

Н. А. Победа

д-р филос. наук, профессор

кафедры социологии Института социальных наук

Одесского национального университета имени И. И. Мечникова

Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина

+0482-68-60-92

**ФЕНОМЕН ИДЕНТИЧНОСТИ: МНОГООБРАЗИЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ
СМЫСЛОВ И СТРАТЕГИИ НАУЧНОГО ПОИСКА**

В статье обосновываются теоретические подходы к анализу феномена социальной идентичности. Рамочные характеристики идентичности представлены через конфигурации ее индивидуальных и коллективных форм, специфические когнитивные структуры, отражающие укорененность субъектов в социальном пространстве со свойствами их самобытности и позиционирования, оформленных культурными кодами.

Особое внимание уделяется знаковой форме объективации идентичности, снимающей оппозиции реляционного и субстанционального подходов.

Ключевые слова: индивидуальные самоидентификации, коллективные идентичности, феномен кризиса и драмы идентичности, идентификационное поле, модусы идентификационных стратегий, политики идентичности.

Актуальность темы и теоретическое обоснование проблемы. Несмотря на обилие публикаций по проблематике идентичности, социология еще только приступает к анализу этого феномена во всей его сложности и противоречивости. Для западной социологии в ее модернистском варианте характерна значимость герменевтического исследования: необходимость различения субъективно предполагаемого смысла и объективно существующего, соперничество законодательного и интерпретативного знания в анализе явлений социальной реальности. В постмодернистском проекте стоит другая задача — описания условий, при которых знание и формируется, и социально поддерживается. Размышляя о направлении постмодернизма и роли социологии, которая имеет свой шанс по сравнению с другими науками в объяснении социальной реальности, З. Бауман замечает: «...социология нацелена не столько на общий синтез познавательных горизонтов, сколько на расширение горизонтов через показ присущей им двойственности и их взаимодополнительного, а не взаимоисключающего характера» [1].

Противоречия современного этапа общественного развития проявляются в ускользающей целостности социальных объектов, разрушении былой устойчивости общественного бытия, утере смыслов индивидуальной и коллективной самоидентификации. В ответ на вызовы глобализации, мирового экономического кризиса, усиливающейся миграции страны Европейского Союза ищут выход в сокращении дисбаланса между экономическим потенциалом разных государств, входящих в Союз, выстраивании общей

политики взаимозависимости и сетевой гибкости, при которой затухают границы членства в национальных формах и акцентируется *индивидуализация социальных отношений*. В это же время на пространстве Восточной Европы государства, обретшие статус суверенных после распада СССР, открывают *ламинальную (пограничную, переходную) реальность* как единственно возможную среду для построения и существования иной коллективной идентичности — *не советского и не западного образца*. Учитывая, что идентичность всегда проблематичный процесс обработки разного рода несоответствий в движении к воображаемому образу целостного и самодостаточного бытия, семантически нагруженными здесь оказываются вопросы национальной и этнической, локально-территориальной и гражданской идентичности. Национальный нарратив прочитывается в Украине как преодоление тоталитаризма, освобождение от российского влияния, как приватизация государственной собственности и создание благоприятных условий для частного бизнеса, свободы слова, собраний и одновременно как приватизация пространства для легитимного высказывания о судьбах страны, ее героях и движениях сопротивления разным режимам, о регионализме, который на первых этапах суверенной Украины рассматривался скорее как сепаратизм и угроза ее целостности.

С точки зрения социологии знания и самого предмета идентичности постструктуралистское направление обнаруживает двойственность дискурса, с одной стороны, интегрирующего социум, чтобы выявить тенденции солидаризации при соотнесенности с образом новой государственности, с другой, — дифференцирующего (чем отличается субъект, общность) разные формы общности от других.

Из этого следует, что идентичность *рождается в глубинах сложного социального действия*, имеет множество смыслов и мотиваций при объяснении акта отнесения к чему-либо, обретающему ценность. Она представляет собой *оценочную категорию, имеет свои конструкты*. Как *инструмент познания* может использоваться в качестве *образа общности, неизбежного атрибута коллективного воображения, принадлежащего и самой власти* в ее функции организации порядка и безопасности, и индивиду, группе, субъекту в свойстве *отражения состояния приобщения, наличия, обладания, и знака тотальности* — у всевозможных фундаменталистов, и *символа* (симулякра) защиты, *единения, сопротивления* в новых и старых общественных движениях и повседневных идеологиях.

Несмотря на то, что общество задает индивиду вполне определенные рамки солидаризации, потребность включения его в те или иные отношения всегда остается за ним. Поэтому *субъектное начало будет основным при любых конструкциях идентификации, а структурирование социальных идентичностей укажет на многообразие векторов общегражданского согласия и размежевание межгражданских столкновений*.

Постановка задач исследования. Социология, представляя в типологии знания опытно-рационалистический вариант, базируется на онтологическом допущении социальной реальности в качестве *sui generis* и объясне-

нии социальности ее внутренними структурными порождениями. На полюсе методологического индивидуализма социальное выступает в виде совокупности индетерминированных индивидуальных действий; с позиций структурализма социальное имеет собственную онтологию. Учитывая, что социальная реальность безгранична, исследователи, изучая ее являющуюся сторону, объективируют ее в ракурсы процессуально-событийной, нормативно-ценностной, смыслообразующей («понимающей» по М. Веберу), субъект-объектной сторон социальной жизни. С точки зрения формы и содержания социальной материи необходимо ввести и форму некоего посреднического образования, с помощью которого снималась бы оппозиция реляционного и субстанционального подходов. Таким *посредником, на наш взгляд, может быть знак*. Благодаря знаковой форме объективации дистанция между «первичной» реальностью объективных позиций и связей и «вторичной» реальностью социальных взаимодействий, социальных (коллективных) действий и диспозиций становится *более очевидной и «годной к использованию» в качестве информации*. Дальнейшая проблема состоит в том, чтобы сам предмет исследования — в нашем случае — воспроизводство социальной идентичности — представить в форме организованной совокупности знаков (которые, в свою очередь, фиксируют и форму, и содержание). При этом и отделение знаков от самой социальной реальности, от их носителей (субъектов действия), от обозначаемых ими отношений во всей их конкретности, а также сам статус знака во множественности его значений *будут иметь перспективу*: каждый из них обретает *определенную степень независимости* друг от друга (собственное тело) и в то же время может выступать в виде обобщенных *характеристик свойств и качеств* изучаемого феномена. В этом смысле *социальная идентичность* предстает в виде *конфигураций*, становится *символом манифестации сходства и различия, мотивации объединения с одними и дистанцирования от других*, равно как и *мобилизации* субъектов, акторов, агентов разных полей социального пространства.

Поскольку социальная идентичность формируется и поддерживается посредством номинации (размещения субъектов действия в признанные категории, в частности, — некоего идентификационного поля, взаимодействия со значимыми другими), то в методологическом плане главная задача состоит в том, чтобы *обозначить знаковые конструкты на теоретическом, операциональном уровнях, в инструментарии прикладного исследования* и далее — на уровне *обработки данных и выдачи их* в системном виде, подчиненном программе исследования. Для теоретических предпосылок конкретная целевая задача состоит в *уточнении понятий и представлении логических оснований*, позволяющих осмыслить феномен идентичности в многомерности проявления и конкурирующих смыслов. На операциональном уровне важно найти эквиваленты конструируемым смыслам, т. е. выразить ту *совокупность знаков*, о которой речь шла выше и которая позволяла бы *фиксировать условия* (ресурсы, события, интересы), способствующие *разному отражению характера мышления и стратегий действия, объясняющих их восприятие и отражение в знаках «отнесения»* к

какой-либо общности или позиции другого. *Генерализация условий и позиций субъекта, идентифицирующего себя с кем-то или чем-то (имеющим ценностную значимость) по существенным признакам и является, на наш взгляд, механизмом принятия субъектом какой-либо формы или вида социальной идентичности, как и переосмысление своего места в социальном пространстве* в зависимости от изменения этих условий и собственных представлений. Призыв к синтезу горизонтов понимания феномена идентичности может быть подтвержден или опровергнут результатами количественных и качественных исследований, реализуемых разными научными подходами. Но эти результаты должны отвечать на основной вопрос бытия — что происходит в результате взаимодействия: как воспроизводятся отношения господства и подчинения, оказывается ли нация формой пространственной локализации или выражением платформы гражданских позиций; какие смыслы связывают ее граждан, — является ли она общим домом для всех этносов, населяющих территорию, и дает ли государство гарантию безопасности и качество жизни в условиях смещения центров управления как на социетальном, так и на социальном уровне; как действуют рядовые граждане, реализуя деятельностные задачи — усиления конкурентоспособности страны в транснациональном пространстве и свои собственные прагматические интересы.

Конфигурации социальных идентичностей. Рамочные характеристики идентичности представляют собой некие конструкции, задающие архитектуру феномена. В монографии А. В. Худенко «Архитектоника идентичности» [2] дано осмысление категории с точки зрения философского аспекта. К ядру, составляющему понимание самого термина, относятся: *признание некой сущности (по поводу которой происходит самоидентификация) культурной ценностью*, осмысление перспективы использования того, что представляет сущность *в качестве «годного к применению»*, иначе — наличие простора и места для развертывания действия; *ритм движения с точки зрения вызревания сущности в динамике устойчивости и изменчивости* (иногда реформы так медленно разворачиваются, а обстоятельства так быстро меняются, что теряется смысл их первоначальных замыслов); *внутреннее строение универсальной субъектности и внешнее позиционирование персоналистского, группового или коллективного его видов по отношению к сущему; диалоговый режим осуществления (саморазвития) идентичности как наиболее адекватная форма учета факторов отражения условий социальной реальности, степени конфликтности или согласованности интересов в пользу общего блага.*

Принимая такую постановку вопроса и считая ее ресурсом для социологического осмысления, перейдем к наполнению содержательных смыслов представленных конструктов.

Континуум, в котором развертывается субъект действия с разными модификациями идентичности и смыслами, соответствующими им, представляет собой социальное пространство с полярными точками «индивид-общество». Г. Зиммель, анализируя социальные взаимодействия, обратил внимание на связь между изолированностью индивида, его дистанцирован-

ностью от других и его потребностью представлять в какой-то форме этих «других». Он назвал это свойство «социабельностью» [3]. По его мнению, то, как себе *представляют других, может иметь самостоятельное значение*. Эти представления влияют в последующем на характер внутренних взаимодействий в группах и на *смыслы образования самих групп*, в том числе сообществ более высокого порядка — институтов, государства, межгосударственных союзов. Представления об общем благе, ценностях, нормах и стратегиях поведения перерастают в категорию коллективных, когда единицами анализа становятся «социальные факты». Именно они призваны описать и объяснить реальность социальную, в отличие от физической, биологической и психической. В этом смысле, согласно Г. Зиммелю, «общества образованы сущностями, которые находятся одновременно и внутри, и вне их ...общество создает самую осознанную ...самую развернутую форму жизни: индивидуальная душа никогда не может находиться в связи, не находясь одновременно вне ее...» [4].

Факты различения индивида и мнения его о себе, о себе с позиции другого, о других, состоящих в неких общностях и группах, и *сам процесс отнесения* к иным социальным образованиям формально означает *самоидентификацию*. Но существует необходимость соотнесения разных концептов *ядра понятия «идентичность»* друг с другом. В частности, — *интересов, касающихся «общего блага»*, признание их в качестве *ценности и пригодности к использованию в настоящем и будущем*. Противоречия состоят в том, что бытийная полнота прошлого и средства реализации интересов групп и сообществ обычно бывают разнонаправленными. Кроме того, логика пространственно-временных *состояний «сущего»* (как предмета идентификации) должна быть *соотнесена с субъектом*. Сам субъект действия также по-разному представлен в различных обществах. Это и разные элиты (экономическая, политическая, административная, военно-силовая), и люди творческих профессий, средний и рабочий класс, и сильноресурсные группы (в виде олигархов, организованной преступности, транснациональных организаций типа МВФ, ООН и т. д.). И сами *свойства общности*, к которой тяготеют и с которой хотят себя идентифицировать, имеют также двойственный характер. Они могут быть значимы и как убежище от равнодушного мира, и как уникальная среда общения и инноваций, за которую не платят одиночеством, и которая служит источником извлечения и социального, и культурного капитала.

На современном этапе научный интерес к субъекту действия возрастает. Субъект обладает собственным мобилизационным потенциалом и собственным социальным ритмом, отличным от предшествующего периода даже двадцати лет назад. Более того, субъект, понимаемый ранее как индивид или группа «действующая», под влиянием которых *изменяется ситуация* и поведение объектов действия, в современной научной литературе представлен разными значениями: как актер и как агент [5]. К субъекту действия предъявляются ныне специфические требования — не интуитивных представлений об «общем благе», а эксплицитного и системного знания о принципах дифференциации социального мира и о позиции, которая мо-

жет отражать *обобщенно стратегии развития*, как «годные» к употреблению. Именно *принятие идентичности субъектом*, осознающим свои и чужие интересы, опосредует связь идентификации, т. е. самого процесса становления, функционирования и развития идентичности, а также связь идентификации и сигнификации, понимаемой как реализация этой идентичности на практике.

Представления коллективные не тождественны, как известно, представлениям социальным. М. Вебер выделил *в качестве ориентиров меры социального* типологии социального действия, кристаллизующие то, что объединяет и индивидов, и группы. Это *специфические когнитивные структуры*, а не обширный класс идей и знаний, имеющих общее происхождение. При этом социальные представления являются лишь частью коллективной жизни. Из общего фундамента знания о мире особое значение придается *актуализируемому* знанию, которое используется для разрешения назревающих социальных проблем *в пограничье перехода* от чего-то к чему-то. Примером из современной жизни могут служить взаимодействия государства и гражданского общества с новым пониманием разграничительных функций между ними в поисках общего блага.

Логике развития идей социального соответствуют и конструкты идентичности. Традиционно различают *индивидуальную* (личностную, персоналистскую) и *социальную* (групповую, коллективную) самоидентификации, зафиксированные в виде *обобщенных характеристик укорененности в социальном пространстве, типологиях самобытности и исключительности, оформленных культурными кодами* и имеющими *ценностное значение*. В этой форме они предстают как идентичности, *отражающие наблюдаемые «социальные факты»*.

Индивидуальная самоидентификация — это представление человека о своем «Я», характеризующееся субъективным чувством и пониманием своей *самотождественности и целостности*. Неслучайно ряд индивидуальной самоидентификации сопровождается терминами *личностной и персоналистской*. Это указание на динамические изменения, связанные с ней (в первичных и вторичных группах) и оценкой качественных состояний «самости». У П. Рикера ядро личностной самоидентификации сопряжено с диалектикой самости и тождественности, самости и инаковости [6]. У Дж. Мида, обратившего первым внимание на интегральное «Я», различаются автономное «Я» (Self) и мне/меня (Me), отражающее способность человека учиться, усваивать опыт других, приобретаемый через интеракцию [7]. Из этого можно заключить, что «самость» — сложное свойство: двойственное по своей природе, балансирующее между *собственными* (индивидуальными) *принципами бытия* и *заданными институциональными и символическими порядками* в обществе. Актуализируемое знание и отражает меру этого пересечения и фиксирует *узлы противоречий в дихотомии индивидуального-коллективного*.

Коллективная самоидентификация — продолжение «Я» в избираемых индивидом группах и общностях, представленных в виде точек опоры, а

также в качестве посредника между идеализированным образом общества, группы и самого себя. П. Штомпка при определении этого понятия обращает внимание на ощущение общности с членами определенной группы и сопровождает его *осознанием* отличия от других групп [8].

В рамках коллективной идентичности в научной литературе рассматриваются такие ее виды, как *этническая* и *семейная* (первая со знаком большой группы, вторая — со знаком малой контактной, выражающей родственные связи, в том числе клановые). Далее следуют — *профессиональные идентичности*, образующие в качестве ядра — профессиональное образование, статусы и роли, деятельность, т. е. сущностные профессиональные свойства самоорганизации и место в иерархии социальных неравенств. Овладение экономическим и социальным потенциалом сопровождается здесь символическими знаками «табеля о рангах» и ощущением чувства избранности у тех, кто оказывается внутри корпоративного забора и выделением тех, кто имеет реальные успехи и признанные профессионалами достижения.

Локально-территориальная, региональная виды идентичности характеризуют ее проявление внутри национально-государственных образований, а идентичности «европейская», «арабского мира», «транснациональная» — социетального уровня. Они определяются разностью экономических условий, политических режимов и стиля жизни, спецификой разделения труда и производством смыслов, подчеркивающих их естественную укорененность в мире и воздействие институциональных матриц.

Региональные идентичности указывают на приоритет социально-экономических и культурных составляющих в процессе идентификации, их характеристики по сравнению с другими регионами; в частности — технологическую и организационную развитость и проявление в стратегиях управления, а также ценностные и ментальные установки, исходящие из социальной структуры, традиций, языкового разнообразия в конкретной среде.

Если взять за основание механизма идентификаций не структуры, а *другой принцип* — *производство смыслов и значений* как атрибута сущностной выраженности при акте отнесения к каким-либо общностям или группам, — то здесь исследовательский поиск в общей стратегии изучения феномена идентичности с уровня рефлексии места и статуса в социальном пространстве переводится на уровень *субстанциональный*: идеологический, политический, социокультурный. Наделенные смыслами акты субъектного, в том числе субъективного отнесения, становятся *продуктом общественного сознания и массового потребления*. В этом случае национальная идентичность сопоставляется с гражданской, этническая включает в себя этно-патриотическую, этно-радикальную и этно-центристскую позиции, локально-территориальная (малая Родина) сравнивается со значимостью исторической (большой) Родины, бывшая советская идентичность (утрачиваемая) уступает место в приоритетах значимости для индивида или группы приобретаемой транснациональной. И *все они* определенным способом *конкурируют между собой*.

Следствия транснациональной идентичности обсуждаются в терминах «глокализации», постколониального дискурса, конфликта идентичностей. Обнаружение противоречий в отражении изменившихся обстоятельств выражается разнообразными способами — внутреннего протеста, в публичном неприятии обстоятельств (разрыв прежней идентичности — эмиграция — и поиск новой), осознанием дискомфорта и необходимостью соглашаться с обстоятельствами ввиду отсутствия ресурсов, духовных сил и воли действовать иначе (вынужденная идентичность), знать, как приспособливаться к иным ценностям и декларациям «общего блага». Не погружаясь в причинную обусловленность конфликта индивидуальной или групповой идентичностей, является ли он средоточием ментальных или позиционных, идейных или статусных факторов, для целей методологии, — понимания сущности, как «годного к воспроизводству», подчеркнем *значимость границы, за пределами которой появляются другие содержательные смыслы идентификации — во имя чего хотят состоять в неких общностях и освобождение от чего* предполагает создание сущности, более годной к «употреблению» в вариантах лучшего будущего.

Для теоретического осмысления конструктов, описывающих феномен идентичности наряду с его структурными, механизменными и динамическими (непрерывными, устойчивыми, изменяющимися) составляющими, *важно сравнение всего спектра фиксируемых различий*. По образному выражению М. Фуко, Дон Кихот сошел с ума в аналогиях в эпоху грандиозных различий. Некие искатели «подлинной идентичности» задаются вопросом, какие различия являются «меньшими», а какие «большими», приписывая последним знак «объективной значимости» [9]. Одни считают, что групповые различия — менее значимы для поддержания социального порядка в стране, потому что они не природны, а социокультурны по своему происхождению. Другие полагают, что значимы лишь различия между индивидами, поскольку социальная реальность базируется на их взаимодействии. Вероятно, в том и другом случае мы имеем дело с крайним номинализмом: во-первых, потому что в основе социальности по определению лежат внеприродные факторы; во-вторых, — по сути индивид не может приобрести устойчивую идентичность, не соотнося себя с группой, сообществом или другой страной, не взвешивая в акте соотношения ценности культурные. Более того, именно множественная принадлежность к разным структурным группам и сообществам (этническим, профессиональным, политическим, религиозным, субкультурным) формирует индивидуальность как самость и следующие за ней — стратегии выбора и смыслы отнесения к ценностно-значимым ориентациям.

Предпринятая попытка упорядочения разных видов идентичности кажется нам необходимой для того, чтобы обозначить общую человеческую природу и меру ее проявления в обществах разного типа, а также *связать условия бытия, некую общность притязаний и общность обязанностей* перед прошлым и будущими поколениями. Сходства и различия, структурированные по выделенным основаниям, могут быть представлены как *поле идентификационных практик*. Оно входит лишь частью в более аб-

страктную и подвижную категорию — *идентификационное поле*, составляющее, в свою очередь, часть социального пространства. Функциональные характеристики идентификационного поля выражают *направленность развития индивидуальных представлений к коллективным и далее — к социальным*; отражают *профили содержательных смыслов* самоидентификаций в логике когнитивного и деятельностного; *выявляют пограничные зоны* в сохранении присвоенных ранее смыслов и их изменениях, свидетельствуя о *бифуркационных состояниях социума, а на личном уровне — о драме идентичности*; дают возможность сопоставления факторов, влияющих на *оценочные суждения* о значимости тех или иных самоидентификаций, общих тенденциях и модусах *идентификационных стратегий* различных социальных групп.

Объединяющими критериями идентификации применительно к глобализации будут открытость и закрытость членов общества к грядущим и неизбежным переменам, гибкость профессиональных, семейных, общественных ролей, готовность к осмысленным с точки зрения последствий социальным действиям, в том числе готовность к разным ролям и готовность взять ответственность на себя. Они могут быть обозначены как локус идентичности на фоне разделительного «Я»–«Мы», а введение локус контроля на институциональном и самоорганизационном уровнях позволило бы реально диагностировать бифуркации условий существования мобилизационного потенциала, исходящего от человеческого фактора.

Онтологическая и прагматическая функции идентичности. Посягательства на единство смысла и ускользающая целостность. Обозначенное выше направление развития социума — от индивидуальных к коллективным представлениям и далее — к социальным задает ориентиры осознания сущностного «Я», группы или общности в их когнитивном и деятельностном аспектах и в динамике изменений, учитывая вновь приобретаемые статусы и меру ответственности, сопрягаемую с ними. Но поступательное движение неизбежно сталкивается с *пересмотром целеполагания, соотносительностью ценностно-нормативных и практических задач*. Они разные в ситуациях выживания, воспроизводства социума и его развития. Усложнение социальной жизни, связанное с разнообразием, рациональностью и толерантностью, бросает индивиду и группе определенные вызовы. Особенную чувствительность вызывает посягательство на внутреннее единство смысла и на ценности, выработанные самими субъектами. *Стратегии сохранения позиции и стратегии вхождения в новые ситуации бытия пересекаются, но не смешиваются.*

Ощущение идентичности у субъекта сохраняется до тех пор, пока ему удастся осознать и обосновать изменения в самом себе, принимая во внимание трансформации в среде непосредственно проживания и действия, и, вероятно, менее последовательно — в общественной жизни. При этом личностная самоидентификация состоится в том случае, если изменениям разного рода удастся придать *смысл непрерывности сохранения* и одновременно *развития самого себя*. И какую бы установку ни принимало самоотнесение к тому, чтобы «слыть» или «быть» — позиционируемая само-

идентификация не может быть отделена от ее ценностной составляющей. Потребность субъекта жить в условиях единства смысла сталкивается также с необходимостью корректировать то, что должно или может им управлять (правила, предписанные институтами и доверие к ним). Стратегии «должно» и «хочу» пересекаются постоянно, а поведенческие стратегии оборачиваются хождением по лезвию бритвы.

К. Камиллери, описывая культурные несоответствия между интересами субъекта и различными институциональными структурами, обращает внимание на поведенческие стратегии, в основе которых лежат идеальные и прагматические установки, и на сами целевые задачи субъекта — адаптации к складывающимся обстоятельствам или состояниям противоборства им [10]. Так, *один из предполагаемых типов*, в его представлении, *придает повышенное значение онтологической потребности* в ущерб прагматической. В этом случае он инвестирует себя в одну из систем, отвергая другую. Более того, адаптацию он считает компрометирующей его ценность. Другая стратегия для этого же типа может проявляться в том, чтобы внешне изображать причастность лишь к некоторым аспектам отвергнутой им модели в целом. Чувство вины за необходимость приспособливаться, как правило, относят на счет государства, других институциональных структур, но чаще всего — внешних элементов действия. Третья стратегия состоит в том, чтобы допускать минимум сбоев, ориентироваться на тотальность принятого ранее смысла и пытаться стереть модернистское вмешательство.

Антиподом обозначенному выступает *тип с завышенными прагматическими потребностями*. В этом случае субъект менее ориентирован на значимость культурных кодов, а скорее на окружение, т. е. носителей среды, в которую он погружен и с которой себя идентифицирует. Поскольку главной целевой установкой является присвоение среды и извлечение разного рода капиталов, то и поведенческие стратегии будут отражать эту направленность. Позже мы развернем эти положения, интерпретируя национально-гражданскую, локально-территориальную, европейскую идентичность с точки зрения смыслов, вкладываемых разными группами в понимание того, что значит быть «гражданином Украины», европейцем и представителем территории, где живет и работает тот или иной человек. Прямые вопросы о мотивации вида идентичности и ее выраженности через конкретные суждения, как правило, сочетаются с косвенными, касающимися «общего блага» и согласованности действий. Что касается идентификаций в профессиональных сообществах, то и здесь легко заметить, как разделяются стратегии адаптации. Одни предпочитают в производственных отношениях ориентироваться на профессиональные умения и деловое сотрудничество с коллегами и идентифицируют себя с ними. Другие, не обладая этими качествами в достаточной степени, рассчитывают на выстраивание межличностных отношений, зорко высматривая слабости и «полезность» ближайшего окружения и обращая их в свою пользу. В этом случае прагматическая функция меняет направление онтологического инвестирования, а целевая установка «общего блага» так и остается неосуществленной.

Таковы поведенческие стратегии, основанные на *простой когерентности*. Стратегии, включающие регуляцию с помощью *сложной когерентности*, имеют в качестве целевых установок солидаризацию на основе взаимодействия институтов, оценочных суждений рядовых граждан о престиже страны в мировом сообществе, уравнивание противостоящих ценностей, с которыми встречаются индивиды в повседневной жизни.

Выводы:

1. Идентичность рождается в глубинах сложного социального действия, имеет множество смыслов и мотиваций при акте соотнесения к какой-либо группе или сообществу, проблемной ситуации, имеющей общественную значимость;

2. Как инструмент познания социальная идентичность представляет собой оценочную категорию, некую когнитивную структуру, имеющую свои теоретические, операциональные и измерительные характеристики. Для теоретических предпосылок целевая задача состоит в уточнении понятий и представлении логических оснований, позволяющих осмыслить феномен идентичности в многомерности проявления и конкурентности смыслов. На операциональном уровне важно зафиксировать как условия (ресурсы, события, интересы), способствующие разворачиванию сущности предметного, сущностного поля самореализации, которому придается ценностное значение, так и способ мышления и действия, отражающий в знаках «отнесение» к общности или позиции другого.

Генерализация условий и позиций субъекта, идентифицирующего себя с кем-то или чем-то (имеющим ценностную значимость), может рассматриваться в качестве механизма принятия определенной формы или вида социальной идентичности, также как и переосмысление собственного места в социальном пространстве в зависимости от изменения условий и возникновения иных представлений о предмете.

Знаковая форма объективации идентичности снимает оппозиции реляционного и субстанционального подходов. Дистанция между «первичной» реальностью объективных позиций и связей и «вторичной» реальностью социальных взаимодействий и диспозиций сокращается благодаря функционированию их в качестве информации — обобщенных характеристик свойств и качеств изучаемого феномена. При этом они имеют определенную степень независимости друг от друга. Социальная идентичность предстает в виде конфигураций, становится символом манифестации сходства и различия, мотивации тяготения к одним и дистанцирования от других.

Субъектное начало при любых видах и конфигурациях социальных идентификаций будет основным, поскольку оно создает ядро, является неделимым атомом социальной жизни, легитимизированным в социальной структуре общества в виде статусов и ролей, одновременно представляет собой мобилизационный ресурс общества.

Эволюция идей о социальном находит отражение в конструктах социальных идентификаций. Несмотря на общую формулировку существования социальных идентичностей в виде укорененности в социальном пространстве, некоем гармонизирующем соединении самобытности и ис-

ключительности, оформленных разнообразными культурными кодами и имеющими ценностное значение, различают индивидуальную (личностную, персоналистскую) и социальную (групповую, коллективную) самоидентификации. Самость, рождающаяся из этого двойственного по своей природе единства, балансирует между собственными принципами бытия и заданными в обществе институциональными и символическими порядками. И только *актуализированное знание*, определяемое как необходимое для будущего развития социума, будучи местом и мерой их пересечения, фиксирует узлы противоречия и очерчивает баланс ресурсов в *дихотомии индивидуального и коллективного*, как их являющуюся в измерении сторону.

Наделенные смыслами акты действия субъективного, в том числе субъективного отнесения становятся продуктами общественного сознания и массового потребления. И только в этом случае национальная идентичность становится гражданской, но не только местом проживания и работы, а совокупностью позиций и диспозиций. Этническая идентичность, как часть национально-гражданской, включает осмысление этно-патриотических, этно-радикальных и этно-центристских позиций. Локально-территориальная (малая) Родина сравнивается с исторической (большой) Родиной. Государство — как политическая нация в разнообразии национально-гражданских идентичностей сопоставляется с европейской и транснациональной, представляющих собой собирательные общности европейского и транснационального уровня.

Указанные виды идентичности конкурируют между собой, поскольку связывают условия бытия, представления о смысле жизни, общность притязаний и общность обязанностей перед прошлыми и будущими поколениями в обществах разного типа. Они характеризуют идентификационное поле, факторы влияния на мотивацию отнесения к тем или иным общностям, пограничные зоны в сохранении присвоенных ранее смыслов и их изменениях, а на институциональном уровне — о бифуркационных состояниях социума и модусах идентификационных стратегий различных социальных групп.

3. Сходства и различия, структурированные по различным основаниям, могут быть представлены как поле идентификационных практик. Они отражают направленность развития с точки зрения социального — от индивидуальных представлений к коллективным, профилей содержательных смыслов и позиционирования относительно общего блага, а также бифуркационных состояний социума.

Поступательно движение неизбежно сталкивается с пересмотром целеполагания, реакций на вызовы глобального развития и проблемы самоорганизации и выживания в новых условиях. Особую чувствительность вызывают посягательства на внутреннее единство смысла, достигнутое самими субъектами. Культурные несоответствия фиксируют как проблемность достижения баланса интересов в формулировке заданной институти, так и прагматическими целевыми задачами индивидов и разных социальных групп.

Для целей простой и сложной когерентности следует различать онтологические и прагматические функции идентичности, а при оценке факторов, влияющих на установки в процессе отнесения к какой-либо группе или сообществу, понимать, что стратегии сохранения позиции и вхождения в новые ситуации пересекаются, но не смешиваются. Поэтому попытки соотнесения порядков идентификации могут быть приняты при условии обозначения пограничных зон в условиях бытия и расшифровки содержательных смыслов в выстраивании позиций.

Литература

1. Бауман З. Философские связи и влечения постмодернистской социологии / З. Бауман // Вопросы социологии. — 1992. — Т. 1. — № 2. — С. 14.
2. Худенко А. В. Архитектоника идентичности / А. В. Худенко. — Одесса: Астропринт, 2010.
3. Зиммель Г. Как возможно общество? / Г. Зиммель; пер. с нем.; примеч. А. Ф. Филиппова // Социологический журнал. — 1994. — № 2. — С. 107.
4. Там же. — С. 109.
5. Астафьев Я. У. Научные картины мира, рациональность и социологический дискурс / Я. У. Астафьев // Социологический журнал. — 1994. — № 1. — С. 84–95; Отрешко Н. Б. Трансформация эпистемологических оснований социологии: субъект, метод познания, картина социального мира. — К.: Институт социологии НАН Украины, 2009. — С. 89–147.
6. Рикер П. Я — сам как другой / Поль Рикер; пер. с фр. Б. М. Скуратова. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. — С. 15–54.
7. Mead G. H. Mind, Self and Society / G. H. Mead. — Chicago: University of Chicago Press, 1936.
8. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Петр Штомпка; пер. с польск. С. М. Червонной. — М.: Логос, 2005. — 664 с.
9. Ignatieff M. Nationalism and toleration // The Politics of Toleration: Tolerance and Intolerance in Modern Life / M. Ignatieff. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. — P. 83–90.
10. Камиллери К. Идентичность и управление культурными несоответствиями: попытка типологии / К. Камиллери // Вопросы социологии. — 1993. — № 1–2. — С. 103–117.

Н. О. Победа

кафедра соціології Інституту соціальних наук
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова
Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна

ФЕНОМЕН ІДЕНТИЧНОСТІ: РІЗНОМАНІТТЯ ЗМІСТОВНИХ СМИСЛІВ І СТРАТЕГІЇ НАУКОВОГО ПОШУКУ

Резюме

У статті обґрунтовуються теоретичні підходи до аналізу феномена соціальної ідентичності. Рамкові характеристики ідентичності представлені через конфігурації її індивідуальних і колективних форм, специфічні когнітивні структури, що відображають вкоріненість суб'єктів в соціальному просторі із властивостями їх самотності та позиціонування, що оформлені культурними кодами.

Особливу увагу приділяється знаковій формі об'єктивації ідентичності, що знімає опозиції реляційного та субстанціонального підходів.

Ключові слова: особистість самоідентифікації, колективні ідентичності, феномен кризи і драми ідентичності, ідентифікаційне поле, модуси ідентифікаційних стратегій, політики ідентичності.

N. A. Pobeda

Sociology Department of the Institute of Social Sciences
of Odessa National Mechnikov University
24/26, French blv., r. 40, 65058, Odessa, Ukraine

THE IDENTITY PHENOMENON: THE VARIETY OF SUBSTANTIAL MEANINGS AND SCIENTIFIC INQUIRY STRATEGY

Summary

Theoretical approaches to the analysis of social identity phenomenon are substantiated in the article. Framework characteristics of identity are presented through the configurations of its individual and collective forms, specific cognitive structures which reflect the rootedness of subjects in social space with characteristics of their identity and positioning, shaped by cultural patterns.

Special attention is paid to the symbolic form of objectivization which removes oppositions of relational and substantive approaches.

Key words: individual self-identifications, collective identities, phenomenon of crisis and drama of identity, identity field, modi of identity strategies, identity policies.